

Герменевтика слова

Н. Ф. Крюкова

Тверской государственный университет

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00393 «Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики».

В статье освещаются вопросы, касающиеся работы над концептуальным словарем Тверской герменевтической школы. Специфика такой концептуально-лексикографической практики заключается в том, что интерпретации подлежат герменевтические понятия, по определению обладающие толковательной сущностью. Соответственно, в концептуально-герменевтическом словаре вокабуляр необходимо представить, как терминологическую систему понятий, отражающих их динамичную жизнь в словарной статье как наборе определенных когнитивно-лингвистических характеристик.

Ключевые слова: герменевтика, толкование, концептуальный словарь, интерпретация, понимание, словарная статья.

Hermeneutics of word by N. F. Kryukova, Tver State University. The article deals with questions concerning the work at the conceptual dictionary of Tver Hermeneutical School. The peculiarity of this conceptual lexicographical practice is determined by that there are to be interpreted inherently interpretative hermeneutical notions. Correspondingly, in the hermeneutical conceptual dictionary the lexicon is to be presented as a terminological system of notions that reflects their dynamic life in a vocabulary item as a set of certain lingvo-cognitive characteristics.

Key words: hermeneutics, interpretation, a conceptual dictionary, interpreting and understanding, a commentary.

Герменевтика — толковательное искусство, поэтому концептуальный герменевтический словарь должен быть толковым словарем. Говорящий употребляет слово, спрашивающий о значении хочет его понять, а отвечающий толкует. Употреблять (или использовать, пользоваться), толковать и понимать слова это разновидность триады дело, слово и мысль. Задача филологической герменевтики — восстанавливать опускаемый средний член триады мысль, слово, дело. Значение слова относится к словесному толкованию, а смысл к мысленному пониманию, так их стоит различать. Толкование, истолкование — это вывод внутреннего значения, смысла, толка наружу. Для правильного толкования слова недостаточно его понять, нужно еще высказать свое понимание. Мысленное понимание дает понимающему немой смысл слова, а словесное толкование дает толкуемому слову значение. Толкование — прямая речь, а понимание-пересказ-перевод — косвенная.

Толкуя слово, мы говорим, что оно значит, и в ответ на вопрос о его значении называем некоторое другое слово, таким образом особую лексикографическую значимость приобретает проблема синонимичных рядов. Толкователь не лингвист и филологическая герменевтика, словотолковательная наука, не лингвистическая семантика/семасиология. Синоним — чужое слово; свое слово можно дать только через родовое сходство и отличие. Толкование или определение отвечает на вопрос, что общего и в чем разница между тем-то и тем-то. «Все познается», то есть отличается, «в сравнении», при этом родовой признак — первое, общее, межродовое отличие.

Проблема также заключается в том, что толкователь, не будучи переводчиком-лингвистом, не усваивает чужие слова, а отчуждает свои мысли о них, и эта работа требует огромных герменевтических усилий.

Толкователь призван говорить словами говорящего, если же говорить от себя, от своего лица и имени, получается «отсебятина». Следует также помнить, что толкователь — не популяризатор.

Герменевтике нужна не математическая и естественно научная строгость ради точности, а гуманитарная строгость ради глубины: точность и глубину различают (см. об этом у М. М. Бахтина, в особенности [2]). Хорошее толкование — глубокое, это перевод хорош точный.

Словарное толкование по-французски и по-английски *дефиниция*, а не *интерпретация*. Поэтому герменевтика ведаёт *интерпретацией текстов*, а *дефиниция* отдельных слов относится к семантике. *Толковый концептуальный словарь* предусматривает более основательную герменевтику, связанную с интерпретацией текста. Герменевтика слова и есть интерпретация текста. *При интерпретации текста* в цельное слово соединяются чужое слово-звук и свой смысл и, несмотря на то, что Бахтин указывает на первичность противопоставления моего и чужого слова, первично-то противопоставление чужому слову моей мысли (*интерпретации*), а мое слово приходит лишь потом (*при толковании*) (см. об этом [1]).

В этом случае, однако, возникает проблема с аксиогенными ориентирами интерпретации, так как любая интерпретация является аксиологической, то есть личностно-обусловленной [8] и представляет собой мыслительную деятельность по выведению неочевидных смыслов-ценностей как культурно значимых ориентиров понимания автора. При этом интерпретируемость любого объекта зависит от интерпретатора, вариативность толкования которого в данном случае должна быть минимальной.

Ценности, выраженные в индивидуально-авторских концептах, поддаются рассмотрению в терминах дискурсивной катего-

рии «позиция». Позиционирование осуществляется в процессе построения дискурса под влиянием тех социальных факторов, которые сложились в недискурсивной формации и которые определяют точку зрения и позиции субъекта. Часто в зарубежной социолингвистике позиционирование используется как синоним понятия «позиция субъекта дискурсивной деятельности» (англ. *stance*) или точка зрения (*point of view*) [13: 175].

Позицию и точку зрения рассматривают также как взаимосвязанные, но разные дискурсивные категории, которые составляют *процесс позиционирования* [12: 206]. Если позиция субъекта — категория статическая, которая вырабатывается и остается неизменной длительное время и представляет собой основу для формирования точки зрения, то ТЗ — это динамическая дискурсивная категория, которая проявляется в отдельных речевых актах, чаще подвержена изменению и актуализирует в дискурсе позицию субъекта на основе отбора и оценки явлений действительности.

В этом отношении могут возникать определенные сложности в отношении оперирования понятиями, которое обязательно имеет место при *интерпретации* текста и при этом часто ошибочно принимается за его *понимание*. Здесь же возникает и проблема разведения этих понятий. Так, например, Г. И. Богин отмечает: «Хотя интерпретация представляет большую ценность как осознанная организация рефлексии, все же нет оснований считать, что человек, не готовый интерпретировать текст, непременно его не понимает. Кроме того, во множестве случаев (особенно в условиях обучения литературе) можно видеть, как люди интерпретируют тексты, которых они не понимают. Предельная ситуация такого рода — интерпретация текста художественного произведения школьником, который вместо этого текста читал лишь интерпретацию в учебнике и слышал устную интерпретацию в исполне-

нии учителя. Интерпретация непонятого или нечитанного текста — одна из наиболее трагикомичных превращенных форм «обучения» пониманию и «оперирования понятиями» [3: 13-14]. Другое смешение понятий «общение», «сообщение», «коммуникация», «понятие» заставляет исследователя определить понимание как преодоление действительных или возможных разрывов в коммуникации, также как герменевтическое усилие, то есть особую форму интенсификации мыследеятельности. Сам автор признавался, что «самого твердого» определения понимания нет. Все существующие определения предельны, то есть они лишь позволяют отграничить предмет изучения от других — в частности от мышления, сознания, знания. Это касается как базового богинского определения (понимание — это обращение опыта человека на текст с целью освоения его содержательности), так и других (понимание — процесс постижения внутренних связей в содержании текста; понимание — процесс постижения смысла/смыслов текста; понимание — освоение чужих переживаний, мыслей и решений, опредмеченных в тексте; понимание — движение к знанию, производство знаний, хотя и не само знание; понимание — воссоздание ситуации действия автора текста). Очевидно, что перечень этих определений можно и дополнить, и расширить, уточнив такие исследовательские предметы, как «текст», «содержательность», «смысл» и т.д.

Можно пойти и по другому пути и рассматривать понимание в терминах понятия интерпретации, которую принято определять, как разъяснение, (ис)толкование. Учет заданности структурных параметров текста отдает должное авторскому началу, но и не отрицает того, что текст получает свое окончательное смысловое наполнение лишь в результате работы воспринимающей, понимающей и интерпретирующей его мысли. Оптимизации этой работы способствуют интерпретационные техники понимания как сово-

купности специальных приемов рефлексивного характера, касающиеся проблем восстановления смысла по значению, самоопределения человека в мире усмотренных смыслов, самоопределения субъекта среди граней понимаемого, способов оценки онтологических картин (компонентов рефлексивной реальности), задействованных в акте понимания (о рефлексии как связке между опытом субъекта понимания и осваиваемой им содержательностью текста, а также об интерпретации как высказанной рефлексии см. библиографию трудов Г. И. Богина и его учеников, представителей Тверской школы филологической герменевтики, в [9]).

Г. И. Богин постоянно указывал на сложность текстовых художественных форм, называя их содержательными формами, не сводимыми к линейным знаковым рядам, поддающимся простому декодированию, протекающему вне процессов реального понимания, не возможного без рефлексии [3: 10—12]. Рефлексия как связка между наличным опытом субъекта понимания и ситуацией, представленной ему в тексте для освоения, соотносит форму и содержание, коррелирует художественные выразительные средства текста и опредмеченные в них смыслы. Научившийся рефлексии человек воспринимает художественный текст как явление формы, сквозь которое для него просвечивает действительное идейное содержание, выражающееся во «втором тексте» (интерпретации), не теряющем при этом своей органической связи с реально наличным набором образов в тексте художника.

Различные ситуации освоения содержательности текста требуют разных способов организованности рефлексии и, следовательно, разных типов понимания. Зависимость типа понимания от содержательности текста и характера деятельности субъекта при рецепции текста была теоретически обоснована Г. И. Богиным (см.: [1]). Поскольку при интерпретации текста рефлексия

протекает сознательно, то, над чем происходит рефлексирование, становится элементами знания о тексте, которые могут быть достаточно точно описаны словесными средствами, обозначиться словами. Очевидно, интерпретация художественного текста — в принципе такое же объяснение в филологической деятельности, как и в деятельности естественных наук.

Эта установка Г. И. Богина определила в его герменевтической деятельности приоритет педагогической позиции, позволяющей играть разные роли как позицию обучения рефлексии других людей, интерпретационную позицию, когда делаются интерпретации, согласившись с которыми, обучаемый корректирует и дополняет ранее полученное понимание, и другие частные позиции. «Большая» педагогическая позиция при этом не заслонила собой марксистскую направленность филологической герменевтики Богина [1: 242], хотя справедливости ради надо сказать, что в 90-е годы он стал высказываться исключительно с точки зрения демократических ценностей, что также указывает на динамику позиции, которую необходимо принимать во внимание в отношении концептуализации авторских идей. Так или иначе, Богин последовательно подчеркивает то, что заниматься в учебных целях интерпретацией текста невозможно без дискурсивности объяснения и без осознанного рефлексирования над имеющимся опытом понимания, также отмечает, что укрепление в педагогической позиции требует проработки следующих вопросов: место понимания в учебном процессе; обучение и самообучение рефлексии; задачи и способы интерпретации понятого, не вполне понятого и совсем не понятого текста. Важно и то, что работа над этими вопросами должна сочетаться с углубленной работой над другими филологическими дисциплинами: лингвистикой текста, стилистикой, поэтикой, риторикой, психологией чтения. Таким образом, можно сказать, что понимание как предмет исследования фактически следует рассматривать в метапредметном контексте [10].

Поскольку понимание представляется чрезвычайно многогранным моментом мыследеятельности, допускающим множество типологий и таксономий, лексическое значение самого этого слова тоже представляется весьма сложным многоаспектным образованием. Для выявления и описания его актуальной семантики в концептуальном словаре требуется построение адекватной логико-понятийной схемы словарной статьи, необходимо использующую традиционные схемы, отражающие иерархические, ассоциативные взаимоотношения, например, в виде графического списка (блочного, вертикального или горизонтального), репрезентирующего непоследовательные и сгруппированные блоки информации. Вместе с тем, циклическая модель является не менее важной, поскольку все фигуры имеют одинаковую степень важности, а направление взаимодействия, взаимовлияния и взаимопроникновения указывать не надо (что наиболее ценно с учетом динамичности и непредсказуемости процессов понимания). Это перекликается с представлениями «понятийной схемы» (*conceptual schema, concept system*) и «концептуальной модели данных» (*conceptual data model*) [11: 35].

В концептуальном словаре Тверской герменевтической школы вокабуляр должен стать терминологией герменевтической жизни с позиций когнитивного терминоведения, поскольку предпринимается попытка описать основные особенности и закономерности когнции терминов, а также их функционирования в данной предметной области, очертить круг этой профессиональной лексики, проблемы передачи значения идеологической и оценочной окраски для этой научной сферы. Поэтому, отвечая на вопрос, какая лексика должна войти в состав концептуально-понятийной словарной статьи, следует указать на особую значимость в этой связи неологизмов; дискурсно обусловленной лексики с яркой оценочной нагрузкой, неправильное понимание которой способно полностью извратить смысл; манифестативной лексики, употреб-

ляемой людьми схожих научных интересов; иронической лексики в примерах, позволяющих правильно понимать мысль, а также разговорных и даже просторечных слов, характеризующих идиостиль автора.

Очень важно при этом отразить когнитивную динамику авторской концептуализации, показать развитие основополагающих концептов в качестве словарных единиц. Так, например, говоря о понимании текста как предмете филологической герменевтики в 1982 году, Г. И. Богин называет его обращением опыта человека на текст с целью освоения его содержательности и в этой связи говорит об интересубъективности понимания и понимаемых смыслов [7: 3]. Впоследствии автор начинает описывать схемы действий читателя, стремящегося понять текст правильно, глубоко и всесторонне, то есть социально-адекватно [5]. Построение схем связывается с категоризацией как признаков текста, так и признаков самого процесса понимания, который далее описывается через интерпретацию как высказанную рефлексия [4]. Таким образом, видно, что процесс понимания у Богина видоизменяется в зависимости от задач реципиента, а схемы действий читателя превращаются в систему техник понимания текста, а диалектическое взаимодействие понимания и интерпретации как конструкторов деятельности становится богаче и глубже.

Литература

1. Айрапетян В. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М.: Языки славянской культуры, 2001. xii + 484 с., ил.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М., 1986. С. 381—393.
3. Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Т. 2. 152 с.

4. Богин Г. И. Субстанциальная сторона понимания текста: учеб. пособие. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1993. 137 с.
5. Богин Г. И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин: КГУ, 1989. 80 с.
6. Богин Г. И. Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 87 с.
7. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин: КГУ, 1982. 86 с.
8. Карасик В. И. Языковые мосты понимания. М.: Дискурс, 2019. 524 с.
9. Крюкова Н. Ф. и др. Категориальный строй и понятийный аппарат филологической герменевтики и лингводидактики. Отчет о научно-исследовательской работе в рамках гранта РФФИ № 19—012—00393 31.01.2019 г. (промежуточный).
10. Крюкова Н. Ф. Метапредметное содержание лингводидактики Г. И. Богина. Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании. М.: ТвГУ, 2015.
11. Маник С. А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2019. 54 с.
12. Селезнёва Л. В. Параметрическая модель PR-дискурса: прагматика, семантика, аксиология. М.: Флинта, 2019. 312 с.
13. Hyland K. Stance and Engagement: a Model of Interaction in Academic Discourse // Discourse Studies. 2005. № 7. P. 173—192.